

ОТ РЕДАКЦИИ

Статьи, вошедшие в этот номер журнала, так или иначе затрагивают историческую проблематику — в разных аспектах и в довольно широких хронологических рамках.

Первая рубрика, «История и память в культуре: наука, искусство, медиа», открывается совместной статьей **Д. С. Артамонова**, **С. В. Тихоновой** и **Е. Э. Чеботаревой**, которые знакомят читателя с теорией конструирования нарративных ниш по Р. Хирсминку и обсуждают возможности ее применения для исследования представлений о прошлом, для изучения коллективной памяти — в частности, фиксируемой, хранящейся и транслируемой в цифровом виде. **С. Ю. Неклюдов** обращается к визуализации первобытного/доисторического человека в фантастической литературе XIX — первой половины XX в., на которую повлияли научные и художественные реконструкции облика неандертальцев. В следующих статьях рубрики предпринимается анализ конкретных произведений культуры XX в., в которых по-разному преломляется (и конструируется, в том числе в агитационно-пропагандистских целях) память как о совсем недавних событиях, так и о событиях более или менее отдаленного для создателей этих произведений прошлого. Статья **Е. В. Юшковой** посвящена революционным мотивам (прежде всего связанным с русской революцией 1917 г.), передаваемым языком танца: предметом ее исследования стали хореографические эксперименты Айседоры Дункан, вдохновленные революционными песнями России, Франции и Ирландии, а также тому, как эти экспериментальные постановки адаптировались ученицами знаменитой танцовщицы. **С. О. Буранок** анализирует фильм Джона Форда и Грега Толанда «Седьмое декабря» (1943), посвященный японской атаке на Пёрл-Харбор; в статье демонстрируется, как реализовывались пропагандистские задачи кинокартины, как в ней отразился американский социально-политический дискурс эпохи Второй мировой войны и как на ее создание повлияли противоречия относительно интерпретации этих событий между гражданскими и военными элитами США. Наконец, альтернативная история становится предметом исследования **Е. Г. Лапиной-Кратасюк**, которая обращается к новейшим трансмедийным проектам, переосмысливающим космические достижения XX в. в контрфактуальном аспекте; особенное внимание в статье уделяется анализу сериала «Ради всего человечества», посвященного событиям холодной войны и космической гонке.

Статьи второй рубрики объединены темой власти. Метафорическая формула «язык власти», использованная в ее заголовке,сылает как к разного рода нарративам, формируемым и используемым властью, так и к особенностям проявления властных отношений — к языку в широком смысле, которым говорит власть: языку права и экономического принуждения, языку полиции и судопроизводства. **А. Ю. Сгоннова** выявляет общие сюжетные особенности библейского повествования о царе Давиде и истории Ирода Великого, известной нам, в частности, из трудов Иосифа Флавия, и делает вывод о том, что биографические сходства между этими персонажами

не случайны: Ирод мог сознательно идентифицировать себя с ветхозаветным Давидом, миф о котором в эпоху Второго Храма легитимировал царскую власть. **М. Ю. Биркин** анализирует раннесредневековые представления о тиране и «ложном епископе» на материале агиографического текста вестготской эпохи «Жития отцов Меридских»: соответствующие фигуры оказываются противопоставлены соответственно идеальным королю и епископу, они исполнены пороков, связаны с демоническими силами и разрушают вверенное им социальное пространство. Авторы двух следующих статей сосредотачиваются на средневековой русской истории. **Ю. В. Селезнёв**, статья которого написана в русле экономической истории, рассматривает функционирование системы *выхода* — выплат, поступающих в ордынскую казну из русских земель. **А. Л. Лифшиц** публикует в сопровождении археографического комментария два деловых документа XVII в. — царскую ввозную грамоту на земли в Костромском уезде и расписку помещика в получении денег за земли, отданные в аренду монастырю в том же уезде. В последней статье рубрики **О. Л. Лейбович** и **А. И. Казанков** ставят вопрос о критике и возможностях использования таких исторических источников, как документы, полученные в ходе следственных действий. Для обозначения практик, результатом которых становятся подобного рода (эго)документы, авторы вводят понятие *инквизиторская антропология*; стратегии и формы такой «антропологии» рассматриваются на советском и отчасти дореволюционном материале.

В третью рубрику, «Слово, понятие, термин в исторической перспективе», вошли статьи, затрагивающие языковедческую проблематику: от переводоведения до истории понятий, от этнолингвистических до неологических сюжетов. Предметом статьи **Д. А. Изосимова** и **П. Д. Скоробогатовой** является переписка начала XX в. между крупнейшими египтологами того времени — В. С. Голенищевым и его английским коллегой А. Х. Гардинером — относительно возможных стратегий перевода древнеегипетских текстов с точки зрения синтаксиса, стилистики и семантики. **В. С. Кучко** обращается к культурно-языковому «портрету» олова в русской традиции, привлекая обширный исторический, этнографический/диалектный и литературный материал. В схожем ракурсе выполнена статья **К. В. Осиповой**, где анализируются севернорусские лексические и ономастические факты, отражающие роль рыбы в рационе русских крестьян; при этом особенное внимание уделяется социальному аспекту данных фактов, маркирующих, к примеру, противопоставление крестьян-земледельцев и крестьян-рыболовов, сельского и городского населения. **Н. В. Петров** и **Н. С. Петрова** рассматривают использование устойчивого выражения *В(е)арфоломеевская ночь*, в первую очередь в качестве идиомы со значением ‘жестокая расправа, массовая резня, бойня’. Авторы выявляют жизнь идиомы в дореволюционной риторике (в которой угроза «варфоломеевской ночью» виделась со стороны властей или их сторонников), в риторике большевиков (угрожавших устроить расправу над идеологическими противниками) и в низовых эсхатологических слухах, связанных с ожиданиями массовых убийств со стороны представителей новой власти. **И. В. Фуфаева** на материалах Национального корпуса русского языка сопоставляет употребление обращений *старик* и *старина*, демонстрируя,

что первое принадлежит русской разговорной речи, тогда как второе (вероятно, воспринимающееся как калька с французского или английского выражения) используется по преимуществу в переводных текстах и при изображении речи условного иностранца, в последнем случае представляя собой своего рода симулякр. Наконец, **З. И. Минеева** анализирует новейший языковой материал — появившиеся в 2020 г. феминитивы, зафиксированные, в частности, в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи» (2021) и связанные в первую очередь с реалиями периода пандемии COVID-19 (*ковидница*, *удалёнушка*, *антимасочница* и мн. др.), — в статье выявляются основные деривативные модели данных терминов, ставших яркой приметой пандемического времени.